

[Рец. на: /Review of:] **A. Korn, I. Nevskaya (eds.). *Prospective and proximative in Turkic, Iranian and beyond***. Wiesbaden: Reichert Verlag, 2017. (Iran — Turan, 18.) 387 p. ISBN 9783954903030.

Иосиф Александрович Фридман

Iosif A. Fridman

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия;
fridman_iosif@mail.ru

St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia;
fridman_iosif@mail.ru

DOI: 10.31857/0373-658X.2020.6.139-153

В сентябре 2013 года во Франкфурте-на-Майне состоялся международный симпозиум под названием «Перспектив как грамматическая категория: свидетельства тюркских, иранских и других языков» (о симпозиуме см. также <http://titus.fkidg1.uni-frankfurt.de/prospective/>). Целью участников этого симпозиума было исследование проксимативных и перспективных форм в ареальной перспективе, в центре которой находились тюркские и иранские языки, а на периферии — новоарамейские, монгольские и ряд нетюркских языков Сибири. Через четыре года после симпозиума его материалы были изданы в виде рецензируемого сборника.

Введение к сборнику написано Ириной Невской. Вкратце рассказав о предыстории сборника, она переходит к рассмотрению терминов «перспектив» и «проксиматив». Первый из них был впервые употреблен Бернардом Комри [Comrie 1976: 64] по отношению к глагольным формам с прототипической семантикой ‘be going / about to do something’. Впоследствии исследования, проведенные Эстеном Далем [Dahl 1985] и Джоан Байби и ее соавторами [Bybee et al. 1994], обнаружили основания для постулирования перспектива в качестве типологически релевантной категории. С точки зрения большинства исследователей перспектив представляет собой глагольную грамему категории аспекта, соотносящуюся с некоторым будущим событием, признаки скорого или неминуемого наступления которого можно наблюдать в точке отсчета (чаще всего совпадающей, но вполне способной и не совпадать с моментом речевого акта).

Термин «проксиматив» был введен в научный оборот Берндом Хайне [Heine 1994]; среди авторов рецензируемого сборника сторонником употребления этого термина и дифференциации значений терминов «перспектив» и «проксиматив» является прежде всего Ларс Юхансон (о его статье см. ниже). Согласно Юхансону, проксимативное значение относится к предварительной фазе еще не наступившего события, в которой уже налицо определенные признаки (понимаемые очень широко) наступающего события. Таким образом, мы могли бы сказать, что разница в значении двух рассматриваемых терминов сводится к различию фокуса внимания: в случае перспектива в этом фокусе оказывается либо само будущее событие, либо временная дистанция между ним и точкой отсчета, в то время как в случае проксиматива внимание фокусируется непосредственно на точке отсчета. Отсюда следует, что перспектив в целом семантически ближе грамеме (собственно) футурума, нежели проксиматив. Впрочем, ныне оба термина употребляются многими исследователями скорее эквивалентно — американские и российские типологи используют преимущественно термин «перспектив», а их немецкие коллеги — термин «проксиматив».

Разнообразие перспективных форм в тюркских языках и тот факт, что в этой языковой семье не отмечено общих футуральных форм, позволяют Невской сформулировать следующую гипотезу: в аспектуальных языках (таких, как тюркские), в которых категория времени играет второстепенную роль, будущие времена молоды, если они вообще

существуют. В своем развитии тюркские футурумы могли пройти через стадии проксиматива / проспектива и собственно проспектива. Частичное совпадение форм проксиматива, проспектива и футурума не случайно; оно основывается на семантическом частичном совпадении: говорящий заключает о наступлении будущего события в том случае, если текущее состояние продолжится и ничто не повернет его «вспять».

Статья Невской содержит также краткие аннотации включенных в сборник статей и краткий обзор результатов, достигнутых авторами сборника на материале тюркских языков.

В статье «**Перспективы и проксимативы**» Ларс Юхансон говорит, что большинство перспективов в языках мира характеризуются более или менее выраженным модальным компонентом. Для референции к плану будущего вообще чрезвычайно характерен «уклон» в сторону выражения различной модальной семантики, а «чистые» футурумы типологически нечасты. В тюркских языках, согласно Юхансону, немодальные будущие времена почти отсутствуют. Яркий пример граммемы, сочетающей референцию к плану будущего с выражением эпистемической или деонтической возможности — общетюркский аорист, почти во всех языках-потомках развивший указанную модальную семантику, ср. казахское *kel-er* 'возможно/вероятно, придет'.

Ключевым для семантики проспектива является понятие «точки отсчета» (англ. *orientation point*). Она может либо совпадать с моментом речи — и в этом случае перед нами «перспектив в настоящем», — либо располагаться на временной оси до момента речи («перспектив в прошедшем») или после него («перспектив в будущем»). Перспектив может фокусировать внимание либо на точке отсчета, либо на предвидимом событии, в точке отсчета еще отсутствующем. Пример фокусировки внимания на точке отсчета: часто какое-либо из используемых в данном языке настоящих времен применяется для обозначения события заранее планируемого, так сказать, включенного в расписание, ср. англ. *School starts next week; I'm meeting her tonight*.

У прототипических перспективов (в понимании Юхансона) есть еще одна важная особенность: ожидаемое событие может осуществиться как в ближайшем, так и в более отдаленном будущем, так как в точке отсчета могут наличествовать признаки приближения ситуации, близкой к точке отсчета во времени, равно как и ситуации значительно отдаленной.

Проксиматив — понятие более узкое, нежели перспектив; основная семантическая характеристика проспектива — референция к предварительной, или подготовительной, фазе ожидаемого события, которое оценивается как неминуемое (точка отсчета совпадает с этой фазой). Среди английских фраз, описывающих значение проксиматива, Юхансон приводит такие, как 'to be about to occur', 'to be on the verge of occurring', 'to threaten to occur', '[to be] looming'. В отличие от собственно будущих времен, проксимативы никогда эксплицитно не указывают на время наступления события. Проксиматив нередко выражается посредством конструкций, обыкновенно имеющих семантику прогрессива. Например, английское предложение *The train is leaving* может в зависимости от контекста переводиться либо как 'Поезд отправляется [сейчас, в данный момент]' (прогрессив), либо как 'Поезд вот-вот отправится' (проксиматив).

Среди источников грамматикализации проксимативов Юхансон упоминает конструкции со вспомогательными глаголами типа 'хотеть', 'угрожать', 'обещать', 'начинать', 'любить', 'подходить близко' и т. д. (ср. проксимативные показатели *laik* (от англ. *like*) и *klostu* (от англ. *close to*) в языке ток-писин [Bybee et al. 1994: 255]). В тюркских языках важную роль среди показателей проксиматива играют конструкции, в которых полнозначный глагол стоит в форме целевого конверба на *-Gall*.

Согласно Юхансону, грамммой, весьма близкой к проксимативу, но все же отличающейся от него, является пропинквитив (от лат. *propinquus* 'близкий; приближающийся'), обозначающий предварительную фазу события, которое должно было¹ вот-вот произойти, но по каким-то причинам не произошло. Этой граммеме около двух десятилетий

¹ Точка отсчета у пропинквитивных конструкций всегда полагается в прошлом.

назад было присвоено название «авертив» (ср. [Kuteva 1998]), однако Юхансон предпочитает использовать собственный термин. Среди диахронических источников пропинквивитивов — волитивные и целевые обороты с такими, например, глаголами, как ‘ошибаться’, ‘пропускать’, ‘не попадать [в цель]’.

В завершение статьи Юхансон предлагает потенциальным исследователям проспектива и проксиматива целый ряд вопросов — своего рода грамматическую анкету, которая должна помочь им правильно ориентироваться в материале исследования.

В статье **«На что обращать внимание? Морфология проспективов и будущих времен в иранских языках»** Агнес Корн ставит задачу так: поскольку до настоящего времени не вышло в свет ни одной работы, посвященной проспективам в иранских языках, статья должна служить теоретическим фоном для всех исследований по иранским языкам в рассматриваемом сборнике.

Наиболее вероятным кандидатом на роль проспектива в авестийском, как и в ряде более поздних языков, является сослагательное наклонение (конъюнктив), которое в этих языках выражает либо еще не начавшееся действие (независимо от того, будет оно иметь место или нет), либо такое действие, осуществление которого зависит от другого действия. Наряду с конъюнктивом значение, близкое к проспективному, обслуживалось также оптативом.

Вследствие серьезной перестройки системы глагольного спряжения, происшедшей в конце древнеиранского периода, конъюнктив потерял значительную часть своей парадигмы, некогда охватывавшей, наряду с презенсом, аорист и перфект. Как бы то ни было, (презентный) конъюнктив в хотаносакском, согдийском и классическом среднеперсидском сохранил способность иметь референцию к плану будущего², как сохранил ее и индикатив презенса. В новоиранских же языках модальные категории и категории способа действия (Aktionsart) выражаются в основном новообразованиями. Древние конъюнктив и оптатив, однако, сохранились в осетинском.

Кроме того, в современных иранских языках развились новые морфологические средства выражения будущих событий, которые Корн подразделяет на три группы: (1) вспомогательные глаголы, управляющие обычно именами действия — инфинитивом, герундивом и т. п.; (2) имперсональные конструкции и (3) частицы и аффиксы. Роль вспомогательных глаголов наиболее часто играют лексемы со значением ‘хотеть, желать’, ‘держать’, ‘иметь’ и глаголы движения. Категории, по своей семантике достаточно близкие к проспективу, в иранских языках включают область футурума / конъюнктива, а также область движения / местонахождения. Если сравнить эти данные с источниками грамматикализации проспектива, идентифицированными в [Heine, Kuteva 2002], то становится очевидным, что особенно частыми источниками проспективных форм в иранских языках являются глаголы желания и пространственные конструкции.

В статье **«Постериорный проксимативный аспект и акциональность в древнетюркском языке»** Марсель Эрдаль предлагает различать «постериорный» и «антериорный» проксимативные аспекты. Постериорный проксиматив (только он рассматривается в данной статье) сочетает в себе референцию к плану будущего (по отношению к точке отсчета) и уверенность в том, что обозначаемое событие релевантно уже в точке отсчета. Глагольная группа выражает постериорную проксимативную акциональность, если ситуация уже в точке отсчета может быть описана как иницилирующая постериорную ситуацию.

Древнетюркский язык использовал для выражения проксимативной семантики словообразовательные, словоизменительные и аналитические средства. К словообразовательным средствам автор относит суффикс *-Glr-*, который вставляется между корнем и временной флексией. По мнению Эрдаля, данный суффикс восходит к глаголу *kir-* ‘войти’.

² Ср. в этой связи следующее определение, данное среднеиранскому конъюнктиву Ж. Лазаром: «Конъюнктив — это наклонение реализуемой виртуальности» (“Le subjonctif est le mode de la virtualité réalisable” [Lazard 1984: 4]).

Единственным словоизменительным показателем проксиматива в древнеуйгурском и хакани являлся суффикс *-Gallr*. О его существовании было хорошо известно знаменитому тюркскому филологу XI в. Махмуду Кашгарскому, который в своем «Собрании тюркских наречий» дает вполне адекватное даже на взгляд современных языковедов описание семантики форм с *-Gallr*. Эрдадь кратко обсуждает возможные этимологии суффикса *-Gallr*, не отдавая решительного предпочтения ни одной из них. Махмуд Кашгарский приводит также аналитическую форму проксиматива, состоящую из целевого конверба полнозначного глагола (форма на *-Gall*) и вспомогательного глагола *qal-*, и определяет ее как обозначающую действие, которое вот-вот должно было произойти, но еще не произошло (судя по приводимым примерам, точка отсчета для этой конструкции полагается всегда в прошлом). В древнеуйгурском же за выражение проксимативного значения отвечала аналитическая конструкция, состоявшая из того же самого целевого конверба и вспомогательного глагола *tur-* с лексическим значением ‘стоять’.

В заключение Эрдадь приходит к выводу о том, что изначально в древнетюркском языке было два суффикса *-Gall* с различной семантикой: один из них означал ‘начиная с (какого-либо времени)’ и засвидетельствован начиная с древнейших рунических надписей, в буддийских и мусульманских текстах; второй же был ориентирован на будущее время и особенно часто встречался в манихейских текстах. Автор выдвигает гипотезу о том, что эти два суффикса могли произойти от двух различных конвербов: первый — от конверба *qal-i* ‘оставаясь’, а второй — от *käl-i* ‘придя’.

Целый ряд конструкций с проспективным и близким к проспективному значением встречается в ногайском языке. Описанию их семантики посвящена статья Бирсель Каракоч «**Перспективы, проксимативы и авертивы в ногайском языке**». Сам автор так резюмирует наиболее важные результаты своего достаточно обширного исследования: (1) часта проспективная семантика у глагольных форм на *-(A)r* (восходящей к общетюркскому аористу) и *-(A)yAK*, основное различие между которыми состоит в следующем: первая указывает на намерение, обещание, ожидание, догадку и т. п., в то время как вторая подчеркивает планируемый характер будущего события; (2) семантическая оппозиция между синтетической проспективной формой на *-(A)yAK* и аналитической формой на *-(A)yAK bol-* заключается в том, что первая помещает в фокус внимания будущее событие, вторая же подчеркивает, что проспективная ситуация релевантна или находится в фокусе внимания в эксплицитно указанной точке отсчета, помещаемой в настоящее либо прошедшее — по этой причине Каракоч предлагает для аналитической формы термин «фокальный проспектив»; (3) различаются по своей морфологической структуре и отрицательные формы, образованные от *-(A)yAK* и от *-(A)yAK bol-*: *-MAyAK* в первом случае и *-(A)yAK turwıl* во втором; (4) комбинация фокального проспектива *-(A)yAK bol-* и прогрессива на *-(I)p turı* играет роль специфического маркера проспектива; (5) сложные показатели *-MAGA turı*, *-MAGA turıyan(da)* и *-MAGA dep*, оформляющие отглагольное имя в дативе, выражают проксиматив в различных синтаксических позициях.

В статье «**Перифрастические проксимативы в эвенском языке**» Деян Матич показывает, что эвенский язык обладает двумя перифрастическими проксимативными формами, которым он присваивает наименования Проксиматив I и Проксиматив II. Они состоят из целевого конверба на *-da* и вспомогательных глаголов *ñek-* ‘делать’ и *bi-* ‘быть’, соответственно. Обе конструкции помещают время события после точки отсчета. Проксиматив I встречается во всех диалектах эвенского, Проксиматив II употребляется только в юго-западных диалектах томпо и ламунхинском; к тому же, Проксиматив I зафиксирован во всех тунгусо-маньчжурских языках, в то время как Проксиматив II не имеет параллелей в других языках этой семьи.

Семантическое наполнение граммемы проксиматива в эвенском автор выявляет путем сопоставления с семантикой футурума и дезидератива. Ключевую роль в этом играют три понятия: точка отсчета (topic time, TT), момент речи (utterance time, UT) и время события (event time, ET). Проксиматив I помещает ET после TT; что касается UT, то оно

может как предшествовать ТТ, так и следовать за ним (схематически: ЕТ > ТТ (~ УТ)). Будущее же время имеет иную структуру: ЕТ может совпадать с ТТ или накладываться на него, но отношение между ТТ и УТ фиксировано: (ЕТ ~) ТТ > УТ. Следующее различие между Проксимативом I и футурумом заключается в том, что Проксиматив I сфокусирован на ситуации, предшествующей событию, тогда как будущее время помещает в фокус само событие, которое всегда расположено после момента речи. И, наконец, третье различие является скорее тенденцией, чем незыблемым правилом: в случае Проксиматива I ЕТ и ТТ обычно (но не всегда) интерпретируются как смежные, так что событие непосредственно следует за ТТ; будущее же время обычно никак не специфицирует временную дистанцию между ЕТ и ТТ.

Что касается различия между Проксимативами I и II, то оно заключается в частотности: так, в корпусе диалекта томпо Проксиматив I встречается 37 раз, а Проксиматив II — всего 5; в корпусе ламунхинского диалекта соответствующие цифры еще более показательны — 28 и 1. Собственно же семантическое различие между ними пока не поддается определению, в первую очередь из-за скудости данных по Проксимативу II.

Статья **«Выражение проспективности в хантыйском и русском языках»** Н. Б. Кошкаревой посвящена сопоставительному анализу форм выражения проспективной семантики в двух языках, ни один из которых не обладает специализированной конструкцией с данным значением. Согласно данным автора, в хантыйском языке основным по употребительности средством выражения проспектива является комбинация частицы *śi / ċi* с формой презенса глагола. Частица *śi / ċi* способна функционировать также как указательное местоимение и как наречие места ('здесь') или способа действия ('так'). Примечательно, что хантыйский перфект представляет собой комбинацию той же частицы *śi / ċi* и формы прошедшего времени глагола. О семантическом параллелизме проспектива и перфекта писал еще «первооткрыватель» граммемы проспектива Б. Комри [Comrie 1976: 64–65]³; тем знаменательнее обнаружение в каком-либо языке не только семантического, но и структурного параллелизма между этими двумя граммами. Более того, выражение проспектива и перфекта в хантыйском структурно омонимично выражению фокуса высказывания: именно в форме «*śi / ċi* + презенс или претерит глагола» предикат выступает в ответах на вопросы типа *Что случилось?* Помимо *śi / ċi*, проспективное значение в хантыйском может оформляться при помощи частицы *χās* 'почти', в сочетании с презенсом выражающей особо высокую вероятность будущего события (необязательно близкого к моменту речи). Употребляясь же с формой прошедшего времени, частица *χās* реализует авертивное значение.

В русском языке, как и в хантыйском, отсутствуют грамматикализованные глагольные конструкции с проспективным значением; основное средство выражения проспективности в русском — наречие *вот-вот* в сочетании с формой будущего времени СВ. Проанализировав 300 употреблений наречия *вот-вот* в проспективном значении из [НКРЯ], автор обнаруживает, что в 22 % случаев *вот-вот* сочетается с модальными маркерами типа *должен, готов, предстоит*. Таким образом, и в хантыйском, и в русском языках основное средство выражения проспективности обладает и рядом иных значений — контрастивного фокуса и аспектуальными в хантыйском и потенциальной модальности в русском.

Другое средство выражения проспектива в русском языке — конструкции с *почти* и *уже почти*. Автор усматривает в них особый тип перфектной семантики, включающий элемент проспективности, и даже предлагает ввести особый термин «проспективный перфект» для сочетаний (*уже*) *почти* с глаголом СВ в прошедшем времени. Наконец, проспектив может выражаться конструкциями *быть на грани / на краю чего-либо*. Данные конструкции

³ По мнению Б. Комри, перфект выражает релевантность завершенного действия для момента речи, в то время как проспектив обозначает пока еще несостоявшееся действие, также обладающее особой релевантностью в момент речи.

претерпели достаточно типичную эволюцию — от пространственной смежности к временной близости состояния, предшествующего событию, и самого события.

В заключении Кошкарева причисляет проспектив к «сравнительным концептам» в терминологии М. Хаспельмата [Haspelmath 2010], имея в виду, в частности, что дистрибуция и пределы этой грамлеммы зависят от чрезвычайно несхожих друг с другом индивидуальных особенностей каждого языка, что приводит к широкой вариативности определения сущности проспектива в различных грамматиках.

Герсон Клумп, автор статьи «**Проксимативы в саяно-самодийских языках**», обсуждает возможность проксимативного прочтения для не более чем дюжины примеров в доступных текстах на мертвых ныне южных самодийских языках — камасинском и маторском⁴. Данные камасинского и маторского корпусов позволяют говорить о том, что в этих языках наличествовали два типа конструкций, которым можно приписать проксимативную семантику: (1) глагол достижения (*achievement verb*) в форме, основное значение которой — прогрессив, и (2) конструкция намерения, особенно употребительная с неодушевленным подлежащим.

Конструкции первого типа представляют собой результат взаимодействия аспектуального класса глагола и аспектуального оператора. Пунктивные глаголы (или глаголы достижения в классификации З. Вендлера) в прогрессивной конструкции могут иметь разные прочтения: точечное событие может осмысляться как неоднократное (итеративное прочтение), либо высвечивается предварительная фаза события, в пределах которой субъект приближается к неминуемому моменту трансформации (проксимативное прочтение). В камасинском и маторском прогрессивные формы образуются при помощи вспомогательных глаголов *i-* ‘быть’, *kandə-* ‘идти’ и др.; в качестве смысловых глаголов в них выступают глаголы достижения ‘умереть’, ‘погаснуть (об огне)’, ‘прийти’ и ‘встать’.

В основе конструкций второго типа лежат дезидеративные формы глаголов. В доступных материалах зафиксированы три вида подобных конструкций: (1) отглагольные дериваты с суффиксами *-nə* (камасинский) или *-ndžUh* (маторский); (2) в маторском — лексически самостоятельный глагол *karəndžər-* ‘хотеть’, в состав которого, очевидно, входит вышеупомянутый суффикс; (3) в камасинском — причастие на *-NTA* + вспомогательный глагол *mo-* ‘становиться’. Автор на приводимых примерах демонстрирует возможность проксимативной интерпретации для части форм как первого, так и второго типа.

Проксиматив обычно рассматривается как грамлема категории аспекта, однако, с точки зрения Клумпа, в саяно-самодийских языках он не является ни аспектуальной, ни временной грамлеммой, а обладает инференциальной природой. Детальному обоснованию данного тезиса посвящена последняя часть статьи.

Статья Джонни Чуна «**Проспектив в языке пушту и употребление частиц *wə-* и *ba/bə* с оглядкой на персидское *bi-* (и его предшественников)**» рассматривает вопрос о наличии в пушту грамлеммы проспектива, о ее формальном выражении и происхождении. Частица *wə-* предшествует глаголу и притягивает на себя ударение, в то время как частица *ba/bə* является энклитикой и занимает позицию после первого слова или первой именной группы в предложении. В обзорном разделе работы автор приводит определения функций данных частиц у разных лингвистов. Разнобой между этими определениями весьма высок. Частица *wə-* чаще всего определяется как маркер перфектива (соответственно, ее отсутствие сигнализирует об имперфективном характере глагольной формы); кроме того, несколько исследователей отмечают конъюнктивную семантику частицы *wə-* в зависимых клаузах. Частица *ba/bə* может использоваться при сказуемом в любом наклонении, в т. ч. и с частицей *wə-*. По мнению Ж. Лазара [Lazard 1975: 358], постулировавшего новую семантическую категорию «эвентуалиса» (*éventuel*) для нескольких современных

⁴ Г. Клумп исключает из рассмотрения камасинские тексты, собранные после 1964 г. эстонским ученым А. Кюннапом, так как язык этих текстов несет на себе печать сильного влияния русского языка, приведшего, в частности, к серьезным изменениям в глагольной системе.

индоиранских языков и армянского, эта категория с единым формальным маркированием (в пушту — при помощи частицы *ba/bə*) выражает ирреалис и хабитуалис с глаголом в прошедших временах, но будущее время — с глаголом в презенсе.

Приводимые автором примеры демонстрируют следующие значения обсуждаемых глагольных форм: (1) *wə-* с презенсом: перфективный конъюнктив (используется в условных клаузах и в значении императива); (2) *wə-* с прошедшим временем / претеритом: перфектив (служит, в частности, основной нарративной формой глагола); (3) прошедшее время / претерит без *wə-*: имперфектив (в нарративе — комментарии, поясняющие основную сюжетную линию); (4) *ba/bə* с презенсом без частицы *wə-*: будущее время индикатива; (5) *ba/bə* с презенсом с частицей *wə-*: перфективное будущее; (6) *ba/bə* с презенсом с модальным *wi* (3-е лицо ед. ч.): будущее время конъюнктива (высока вероятность того, что событие станет реальностью в будущем); (7) *ba/bə* с прошедшим временем / претеритом без частицы *wə-*: хабитуалис или контрафактив в некоторых условных предложениях. Приведенные примеры подводят Чына к заключению о том, что частица *ba/bə* указывает на неизбежность будущего события (+ презенс) либо такого события, которое имело место неоднократно (+ претерит); частица *wə-*, со своей стороны, обозначает **ожидаемую** связь между текущим и будущим событием (+ презенс) или между прошедшим и текущим событием (+ претерит); по этой причине автор именует ее маркером «актуализации». Пуштунская частица *wə-* сочетает в себе черты перфективного аспекта «славянского» типа (завершенный характер события) и конъюнктивного наклонения (ожидание, цель).

Производя этимологизацию рассматриваемых частиц, Чун сопоставляет *ba/bə* с весьма редким авестийским наречием *apaia* ‘тогда, затем; в будущем’, а также с хорезмийской контрастивной частицей *bə*, могущей также указывать на последующее событие. Частицу *wə-* автор, как и некоторые иранисты до него, сопоставляет с персидским глагольным префиксом *bi-* (функции которого до сих пор являются предметом дискуссий).

В конечном итоге автор заключает, что можно ответить утвердительно на вопрос о том, имеется ли в пушту граммема проспектива. Проспектив состоит из двух компонентов: «футуральности» (самого события) и «ожидаемости» (с точки зрения говорящего). В пушту футуральность выражается при помощи презенса, маркированного частицей *ba/bə*, а ожидаемость передается посредством маркера *wə-*.

Автор статьи «**Две осетинские конструкции с причастием будущего времени: проспектив-намерение и необходимость**» А. П. Выдрин оговаривает, что он не признает введенного Л. Юхансоном различия между проспективом и проксимативом; в его понимании эти два термина равнозначны. Осетинский язык, не обладая специализированными маркерами проспектива, в то же время располагает двумя конструкциями из причастия будущего времени и вспомогательного глагола *извæл* ‘быть’, которые в статье именуются «проспективно-интенциональной конструкцией» и «конструкцией необходимости». Формально они различаются исключительно кодированием актантов.

Проспективно-интенциональная конструкция может быть образована как от непереходных, так и от переходных глаголов; вспомогательный глагол *извæл* в ней способен принимать значения любого времени, вида и наклонения за исключением футурума и императива. В разговорной речи эта конструкция обладает чисто интенциональной семантикой, однако в письменном языке нередки случаи ее собственно проспективного употребления с неодушевленными подлежащими, иногда она встречается и с неагентивными глаголами. Данная конструкция может также выражать неэпистемическую необходимость. В этой связи Выдрин отмечает, что более естественным типологически является развитие от проспективной семантики к выражению эпистемической модальности, однако, судя по данным Национального корпуса осетинского языка, рассматриваемая конструкция выражает такую модальность очень редко.

Конструкция необходимости может использоваться как с переходными, так и с непереходными глаголами, однако не может быть образована от одновалентного предиката и от каузативного глагола; вспомогательный глагол может, в отличие от первой

конструкции, стоять в форме будущего времени и в императиве; агенс может быть, вероятнее всего, только одушевленным. Конструкция используется в основном для выражения внешней либо деонтической необходимости.

В целом, заключает автор статьи, в отличие от некоторых неиранских языков, данные которых обсуждаются в сборнике, в осетинском грамматическая категория проспектива развита слабо.

Статья «**Дейксис и способы выражения ближайшего будущего в курдских языках**» написана коллективом авторов (Томас Югель, Джемиле Челеби, Диакто Нахид). С их точки зрения, статья — первый шаг в освещении предположительно проспективных или проксимативных конструкций, содержащих дейктические элементы. С этой целью авторы провели письменный опрос носителей курдских языков курманджи и сорани. Носителям предлагались картинки, изображающие последовательности действий, в норме приводящие к строго определенному результату⁵.

Для выражения будущего события курманджи использует презенс индикатива или прогрессивный презенс; в сорани с этой же целью употребляется прилагательное *xerîk* ‘неминуемый’ с презенсом конъюнктива (нейтральная форма) или индикатива (подчеркивает уверенность говорящего в наступлении события). Кроме того, в курманджи и в диалектах северного Ирака встречается форма, состоящая из презенса конъюнктива с энклитикой $=ê / =dê / =wê$. Помимо указанных способов, в обоих языках зафиксированы довольно многочисленные конструкции, состоящие из финитной глагольной формы и какого-либо дейктического элемента; эти конструкции в статье именуются «проксимативным настоящим», «прошлым» и т. д.. Дейктические элементы, по мнению авторов, развились из указательных местоимений, которым часть из них идентична и сейчас. Главная функция этих элементов — фокализация события (например, в контексте удивления состоянием дел или противоречия предыдущему высказыванию). Дейктические элементы могут выполнять и иную функцию — выражать субъективную оценку вероятности наступления события. По этой причине их допустимо считать модальными частицами. Их основная прагматическая функция может заключаться не столько в сообщении о неминуемом наступлении события, сколько в стимулировании специфической реакции со стороны слушающего (напр., в призыве предотвратить наступление данного события).

Объектом рассмотрения в статье Пола Нурландера «**Проксиматив и его корреляты в северо-восточных новоарамейских языках**» становится множество конструкций с проксимативными (включая авертивные) значениями в этой группе семитских языков, включающей около 150 идиомов. Автор выделяет четыре области структурной корреляции проксиматива с другими глагольными граммемами в северо-восточных новоарамейских языках: проксиматив коррелирует с (1) аналитическим будущим временем, возникающим обычно из сочетания вспомогательного глагола со значением ‘хотеть’ и полнозначного глагола в форме конъюнктива; (2) прогрессивными конструкциями, которые в большинстве идиомов представляют собой комбинации глагольной связи и нефинитной формы полнозначного глагола (чаще всего — инфинитива с локативным предлогом); (3) претеритом, реализующим авертивное либо проксимативное прочтение; (4) конструкциями с полнозначным глаголом в «*почти-аспекте*» (термин предложен Берндом Хайне [Heine 1992: 339]); в новоарамейских языках, как и в соседствующих с ними курдских, азербайджанском, персидском, разговорных арабских диалектах, эти конструкции чаще всего строятся из наречий со значением ‘немного’, той или иной формы глагола ‘оставаться’ и основного глагола в конъюнктиве. Каждый диалект или группа диалектов выбирают свою собственную стратегию построения проксимативных форм. Интересно, что проспективная конструкция может состоять из тех же самых структурных элементов, которые в другом диалекте имеют прогрессивную семантику. Среди вспомогательных глаголов особенно

⁵ Например, на картинке изображен кот с выпущенными когтями, преследующий мышь. От участника эксперимента ожидается высказывание типа «Кот вот-вот поймает мышь».

часто фигурируют потомки среднеарамейской лексики *ʔzl* ‘идти’, а также глаголы желания, развившиеся из двух среднеарамейских лексем — *bʕy* и *ʔby*. В ряде специфических контекстов проксимативное прочтение может иметь и претерит; автор предполагает, что это может быть связано с использованием претерита для обозначения (результативного) перфекта (напр., форма *zilli* может в зависимости от контекста иметь как перфектное ‘I am gone, have just gone’, так и проксимативное прочтение ‘I am going, just about to go’).

В статье Евы А. Чато **«Немодальный проспективный аорист в караимском языке»** обсуждаются пути функционального и семантического развития караимского аориста (т. е. пратюркского презенса). Общетюркский аорист — это старая «интратерминальная» граммема, т. е. глагольная форма, описывающая событие при взгляде из «окна наблюдения», находящегося внутри самого события. Такие грамлемы могут быть высокофокусными и низкофокусными: при высокой фокусности в центре внимания находится ситуация, господствующая в точке отсчета; при низкой фокусности — какая-либо другая ситуация.

Общевосточнотюркский аорист имел как высоко-, так и низкофокусные употребления. Автор статьи утверждает, что низкофокусные интратерминальные грамлемы в тюркских языках могут использоваться для указания на будущие события в силу своей модальной семантики, не становясь полноценным «будущим временем». В караимском же языке имело место особое явление: аорист стал проспективно-футуральной грамлемой без какого-либо модального значения. Подобная эволюция представляет собой результат языковых контактов и в целом не характерна для тюркских языков. Основной вывод автора — караимский аорист развил семантику будущего времени, ставшую для него ядерной, в результате длительных контактов со славянскими языками, прежде всего с русским и польским. Необходимо отметить, что среди приведенных в статье примеров нам не удалось найти ни одного со строго проспективным, а не футуральным значением сказуемого.

Статья Астрид Менц **«Прспектив и проксиматив в османском и современном турецком языке»** демонстрирует довольно обширный диапазон грамматических средств, к которым прибегают эти две хронологические стадии развития турецкого языка, для выражения как проспективного, так и проксимативного значения⁶. Для выражения проспектива в староосманском языке могли использоваться аорист (показатель *-(V)r*) и ныне вышедшие из употребления оптатив *-(y)A* и старый футурум *-(y)IsAr*; при этом ни для одной из этих грамлем значение проспектива не являлось ядерным. Начиная с XIV в. появляется новая спрягаемая глагольная форма с маркером *-(y)AcAk*, которая постепенно берет на себя функции будущего времени; в среднеосманский период за этой формой закрепляется собственно проспективное значение, тогда как аорист вполне мог иметь и немодальное прочтение, относящее событие к настоящему времени. В современном турецком языке форма на *-(y)AcAk* служит средством выражения проспектива по умолчанию, тогда как аорист на *-(V)r* предполагает меньшую степень уверенности говорящего в наступлении будущего события.

В противоположность проспективной, проксимативная семантика выражается в современном⁷ турецком языке не при помощи синтетических видо-временных форм, а посредством аналитических глагольных конструкций, в состав которых входят наречия и послелоги.

Статья Моники Ринд-Павловски **«Глагольные формы с референцией к плану будущего в северном азербайджанском языке»**, как явствует из самого ее заглавия, посвящена анализу всех имеющихся в языке форм будущего времени, в т. ч. тех, для которых футуральное прочтение является лишь одним из возможных. Таких форм, аналитических и синтетических, автор насчитывает 12. Из них лишь две описываются в традиционных

⁶ Опираясь на работы Л. Юхансона, А. Менц последовательно различает «проспектив» и «проксиматив» (см. обсуждение статьи Юхансона).

⁷ При анализе проксиматива старо- и среднеосманский языки практически исключены автором из рассмотрения из-за отсутствия достаточно разработанных корпусов.

грамматиках как формы будущего времени: форма на $-(y)AcAQ$ и общетюркский аорист на $-(A)r$. Форма на $-(y)AcAQ$ выражает ассертивное будущее; в типичных проспективных контекстах она является предпочтительной. Форма на $-(A)r$, помимо своего основного значения общего презенса, может иметь референцию к плану будущего; в таком случае она часто интерпретируется как предложение или готовность сделать что-либо. Помимо этих двух основных форм, особый интерес с типологической точки зрения представляют: проспективные формы на $-mAQ istā-$ и $-mAQ üzrā$, калькированные, соответственно, с персидской и турецкой проспективных конструкций; настоящее время на $-(y)Ir$ и высокофокусное имперфективное прошедшее время на $-(y)Ir-(y)dl$, регулярно демонстрирующие проксимативное или проспективное прочтение с финально-трансформативными глаголами, имеющими короткую предварительную фазу события; наконец, авертивные конструкции с использованием идиомы *az qal-*, букв. ‘немного осталось...’.

Статья Адели Рафии «**Проспективность в персидском и иранском азербайджанском языках**» содержит предварительное сравнительное описание проспективных конструкций в названных языках на основе опроса информантов. Основные критерии проспективности автор формулирует так: во-первых, настоящие проспективные формы отличаются от форм, выражающих намерение, тем, что допускают при себе неодушевленное подлежащее; во-вторых, от форм футурума их отличает то, что они не предсказывают будущее событие, а отсылают к состоянию в настоящем, существующему до наступления будущего события (которое, вообще говоря, может и не состояться).

В современном персидском языке Рафии насчитывает четыре конструкции, способные выражать проспективную семантику: (1) конъюнктив + вспомогательный глагол *xāstan* ‘хотеть’; (2) конъюнктив + вспомогательный глагол *raftan* ‘идти’; (3) конструкция, состоящая из выражения *dar šorof-e*, инфинитива смыслового глагола и спрягаемой формы глагола ‘быть’, и (4) прогрессив со вспомогательным глаголом *dāštan* ‘иметь’.

В южном (иранском) варианте азербайджанского языка также выделено четыре проспективных конструкции: (1) конъюнктив + вспомогательный глагол *istəmək* ‘хотеть’; (2) конъюнктив + вспомогательный глагол *getmək* ‘идти’; (3) конверб и отрицательный инфинитив одного и того же полнозначного глагола и (4) презенс в проспективном прочтении. Вслед за описанием семантики и прагматики указанных азербайджанских форм А. Рафии кратко останавливается на некоторых конструкциях, имеющих в обоих рассматриваемых языках и контекстуально реализующих значения, очень близкие к проспективному (так, одна из этих конструкций регулярно используется и в персидском, и в иранском азербайджанском для выражения авертива).

Обращает на себя внимание тот очевидный факт, что две наиболее употребительные проспективные конструкции обоих языков структурно идентичны. С другой стороны, в каждом из двух языков имеются по меньшей мере две конструкции, различные по структуре.

Центральная задача, которую ставит перед собой Карина Джахани, автор статьи «**Проспективность в персидском и белуджском языках и претерит для обозначения не прошедших событий**», — исследовать непретеритные употребления простого прошедшего времени в вершинных клаузах современного персидского языка и ответить на вопрос о том, можно ли описывать их как обозначающие проспектив. Решению этой задачи предпослано структурно-семантическое описание всех имеющихся в обоих рассматриваемых языках конструкций — кандидатов на выражение проспективного значения. Для персидского здесь выделены две таких основных конструкции: (1) со вспомогательным глаголом ‘иметь’, которая также может выражать прогрессивное прочтение, и (2) со вспомогательным глаголом ‘хотеть, желать’, употребляемая и для выражения желания, и для обозначения проспектива. В белуджском налицо также две основные проспективные конструкции: (1) вспомогательный глагол ‘приходить’ + конъюнктив смыслового глагола и (2) герундив (футуральное пассивное причастие) полнозначного глагола + вспомогательный глагол ‘быть’ или ‘становиться’.

Все вышеназванные конструкции, по мнению автора, удовлетворяют критериям перспективности, выработанным Б. Комри [Comrie 1976: 64]. Не столь однозначно обстоит дело со случаями непретеритного прочтения формы прошедшего времени. Претерит с референцией к будущему (в независимых клаузах) носит выраженный разговорный характер, поэтому для его анализа Джахани выбрала несколько фильмов на персидском языке и беседы с носителями. Детально проанализировав десять примеров, автор приходит к выводу о том, что наиболее убедительно здесь было бы считать форму претерита выражающей цельность и завершенность (будущего) действия и полагающей дейктический временной центр такого события после его завершения. Проспективная же интерпретация таких употреблений обладает гораздо меньшей объяснительной силой и поэтому неудовлетворительна.

Статья «**Перспективность в татском языке**» Мурада Сулейманова нацелена на выявление междиалектных параллелей в области футуральной морфологии татского⁸ языка и на реконструкцию путей исторического развития форм будущего времени, с фокусом внимания на перспективе. В татском языке существуют две грамлеммы, которые можно классифицировать как модальные футуральные формы, различаемые в основном наличием или отсутствием намерения — перспектив и эвентуалис. Термин «эвентуалис» был предложен Ж. Лазаром [Lazard 1975: 353] (см. обсуждение главы Дж. Чына), причем, применяя созданный им термин типологически, Лазар приводит среди прочих пример из татского языка. Что касается термина «перспектив», то Сулейманов одним из первых (наряду с Ж. Отье [Authier 2012: 195]) применил его для обозначения соответствующей грамлеммы в татском языке.

Татский перспектив прежние исследователи называли «будущим временем необходимости» и «категорическим будущим». Именно эта модальность необходимости, категоричности и ответственна, по мнению автора, за гораздо более редкое применение перспектива, нежели эвентуалиса, для референции к будущему в татском языке. В структурном отношении разные варианты языка демонстрируют две различные техники образования форм перспектива: (1) морфологические производные герундива и (2) использование особых частиц. Герундив (причастие долженствования на *-Deni*), выступая в качестве сказуемого (с лично-числовыми показателями), может иметь как перспективное, так и дебитивное прочтение. Во второй разновидности перспектива частицы (облик которых подвержен диалектному варьированию) сочетаются с формой конъюнктива глагола-сказуемого.

В завершение статьи Сулейманов высказывает некоторые соображения относительно диахронии исследуемых форм. Татская форма герундива, несомненно, одного происхождения с персидским модальным пассивным причастием на *-tani/-dani*; пассивное прочтение герундива возможно и в татском языке, хотя активное гораздо предпочтительней. «Герундивный» перспектив находится в диалектах на разных стадиях грамматикализации, что может свидетельствовать о недавнем возникновении этой парадигмы. Что касается форм перспектива с частицами, то автор высказывает предположение о генетическом родстве частицы *bistān / bāsān / sAn / tAn / hān* с персидским безличным глаголом *bāyistan* ‘быть необходимым’. Частицу *miya / miye / ye* также предлагается связывать в конечном счете с этим (не сохранившимся в татском языке) глаголом.

Статья С. И. Бурковой «**Чувственный vs. ментальный перспектив в тундровом не-нецком языке**» посвящена анализу суффиксов */mänta/* и */ptsu/* (с их многочисленными алломорфами). Функциональная дистрибуция этих форм, как представляется, демонстрирует, что язык может различать два перспективных значения в зависимости от дистанции между состоянием, наличным в точке отсчета (P_i), и последующей ситуацией (P_j). Дистанция эта является скорее концептуальной, нежели временной, так как она определяется тем, чему

⁸ Имеется в виду юго-западный иранский язык, близко родственный персидскому, носители которого проживают на территории Дагестана и Республики Азербайджан, а не северо-западный иранский диалектный кластер тати, распространенный в Иранском Азербайджане.

соответствует P_i ; либо чувственному восприятию говорящим предварительной фазы ситуации P_j , либо знанию говорящим некоторых обстоятельств, внешних по отношению к P_j , которые способны стать причиной ситуации P_j . Автор предлагает для этих двух разновидностей термины «чувственный проспектив» и «ментальный проспектив» соответственно.

В статье приводятся доказательства того, что семантика обоих суффиксов базируется на семантике проспектива. Далее автор приходит к нетривиальным выводам. В нефинитных предикациях проспектив интегрирован в систему аспектуальных граммем, выражаемых четырьмя причастиями — континуативным, кунктативным, перфектным и проспективным. Все эти граммемы указывают на отношение между двумя точками на временной оси — точкой отсчета и моментом события. В финитных же предикациях значение проспектива интегрировано в категорию эвиденциальности: и здесь, и там говорящий выносит суждение о ситуации, основанное на некоторой имеющейся у него информации. Эвиденциальные /mānta/ и /p̄tsu/ противопоставлены друг другу как показатели, выражающие «чувственный эвиденциальный проспектив» и «ментальный эвиденциальный проспектив» соответственно. Эти значения имеют в качестве общего компонента прогноз о ситуации в будущем, основанный на информации, которой располагает говорящий. В случае «чувственного эвиденциального проспектива» эта информация основана на прямом восприятии предварительной фазы ситуации; в случае же «ментального эвиденциального проспектива» говорящий прогнозирует ситуацию на основе своего знания о некоторых внешних по отношению к этой ситуации обстоятельствах, которые могут явиться ее причиной.

В статье **«Выражение проспективной семантики в алтайском языке и его диалектах»** А. Озона, А. Тазранова, Л. Тыбыкова и С. Сарбашева анализируют средства выражения проспектива в литературном алтайском языке и трех (из пяти) алтайских диалектах: теленгитском, тубаларском и чалканском. Проспективные значения в данных идиомах выражаются различными способами: ядро проспективной семантики обслуживается синтетическими и аналитическими глагольными формами, в то время как ее периферия выражается синтаксическими и лексическими средствами.

Только в чалканском диалекте употребляется синтетическая форма на *-ArAyt / -Ayt*, которая, по мнению авторов, представляет собой стяжение аналитической конструкции, образованной инфинитивом на *-ArA* и вспомогательным глаголом *t'at-* 'лежать'⁹. Эта форма способна передавать как значение намерения, так и чисто проспективную семантику.

Алтайский язык, как и другие тюркские языки Южной Сибири, богат аналитическими проспективными формами. Эти формы состоят из смыслового глагола в инфинитиве (на *-ArgA / -ArA*) и вспомогательных глаголов желания, намерения, умственной деятельности, а также глаголов существования и положения тела. Семантика каждой из таких зафиксированных в литературном языке и в диалектах конструкций подробно обсуждается в статье.

К синтаксическим проспективным формам авторы относят конструкции «футуральное причастие + цитативная частица *dep* + вспомогательный глагол *tur-* 'стоять'» и «футуральное причастие в генитиве + наречие *beri* 'здесь' + грамматикализованное существительное *d'an* 'сторона' с притяжательным суффиксом 3SG в местном падеже».

Наконец, авертивная форма *aray la (bolzo) V-NEG-di* состоит из наречия *aray* 'почти', частицы *la*, факультативного вспомогательного глагола *bol-zo* 'быть' (в условной форме) и полнозначного глагола в отрицательной форме прошедшего времени.

Статья Моника Ринд-Павловски **«Формы с референцией к будущему в джунгарском диалекте тувинского»** в целом построена по той же схеме, что и ее же статья о северном азербайджанском (см. выше). Исследование показало, что джунгарский диалект тувинского языка располагает большим разнообразием форм с референцией к будущему, каждая из которых обладает своей собственной семантикой. Будущее время в узком смысле выражается формой на *-Vr*, которая, впрочем, также широко применяется как нефокусное

⁹ Маркер *-Ayt* может являться результатом дальнейшего стяжения показателя *-ArAyt*.

(non-focal) настоящее и как нефокусное прошедшее время. Суффикс *-D* маркирует как предшествование моменту речи, так и предшествование точке отсчета в будущем. Форме на *-Vr bol-* автор присваивает наименование «программатического будущего» (programmatic future, ср. [Johanson 1971: 83]): она употребляется для обозначения неизбежности будущего события, его «запрограммированности» согласно какому-либо плану. На базе формы *-Vr bol-* с постановкой вспомогательного глагола в форму на *-D* образуется также будущее, которое М. Ринд-Павловски именует «аффирмативным» (судя по приводимым примерам, имеется в виду ассертивный футурум). Форма на *-Vr bol-jIK* выражает обещание. Образование конструкции с проспективным значением в целом следует общей для тюркских языков Южной Сибири модели *V-Vr-GA VNA*¹⁰, причем для более близких событий используется глагол *jīt-* ‘лежать’, а для более отдаленных — глагол *dur-* ‘стоять’. При этом данная конструкция обозначает проспективность по отношению ко всему событию как единому целому, в то время как конструкция *V-(A)yIn dep VNA* обозначает проспектив по отношению к начальной точке события, а *V-Vr-GA tay-* — проспектив по отношению к его конечной точке. У последних двух конструкций имеются и иные значения: *V-(A)yIn dep VNA* обозначает намерение, а *V-Vr-GA tay-* в претерите реализует авертивное значение. В джунгарском тувинском также есть две формы, заимствованные из казахского языка: форма на *-MAKSI*, выражающая намерение¹¹, и конструкция «основа полнозначного глагола + *jasta-*», в любом контексте реализующая значение авертива.

В статье «Средства выражения проспективной семантики в тувинском языке» А. Байыр-оол и Л. Шамина анализируют данные литературного тувинского языка, ограничиваясь способами выражения проспектива и близких к нему значений. Основную роль в выражении проспектива в тувинском языке играют грамматикализованные аналитические конструкции. Авторы подразделяют их на следующие четыре типа: (1) причастие + вспомогательные глаголы намерения, желания, готовности совершить действие; (2) причастие + вспомогательные глаголы *čas-* ‘ошибаться’, *čapta-* ‘приближаться’, *čiga-* ‘быть близко, достигать’; (3) причастие + цитативная частица *dep* + *bar-* ‘ходить’ или *tur-* ‘стоять’; (4) причастие + частица *čigii* ‘почти’. Кроме того, авторы полагают, что синтетические глагольные формы с суффиксами *-galak* (обычно маркирует ситуации, предопределенные законами природы либо жизненным укладом тувинцев) и *-di* (оформляет наблюдаемое или недавнее прошедшее время), равно как и полнозначный глагол *čiga-* ‘быть близко, достигать’, также способны выражать проспективную семантику.

Исследование И. Невской и С. Тажибаевой «Категория проксиматива в казахском и киргизском языках в сравнительной перспективе», как пишут сами авторы, является продолжением и расширением темы, заданной ими же в работе [Nevskaya, Tazhibaeva 2015]. В этой статье авторы дали предварительное описание средств выражения проксиматива в казахском; в настоящей же работе они расширяют исследование за счет киргизского языка.

Оба языка богаты проксимативными формами и конструкциями. Конструкции с собственно проксимативной семантикой включают: (1) отглагольное имя + *qal-* ‘оставаться’ + наречие со значением ‘немного’; (2) целевой конверб на *-Gall/-GANI* + вспомогательные глаголы положения в пространстве; (3) отглагольное имя на *-MAK/-MAKSI* + *bol-* ‘быть’ (только в казахском); (4) конструкция с послелогом *aldında* (употребительна только среди казахов Китая). Кроме того, в обоих языках имеются формы, способные выражать проксиматив только в определенных контекстах, в частности: (а) интенциональные формы

¹⁰ Аббревиатура VNA расшифровывается как Verbs of Non-Transformative Action (Type) и, согласно Л. Юхансону [Johanson 1971: 194ff.], обозначает такие вспомогательные глаголы, лексическое значение которых не содержит компонента трансформации, изменения ситуации (например и прежде всего, глаголы положения тела).

¹¹ Консультанты автора не пришли к единому мнению о том, способна ли эта конструкция выражать также (чисто) проспективную семантику.

на *-MAK* и *-MAKSI* (только в казахском); (б) конструкции с прямой речью и управляющим ею глаголом говорения «полнозначный глагол в волитиве + *de-*»; (в) результитивная форма на *-(X)p qal-* (только в прошедших контекстах). Авторы различают формы ближайшего (1, в) и общего (все остальные) проксиматива; прототипическую семантику ближайшего проксиматива они передают при помощи англ. *be about to do*, а общего проксиматива — при помощи англ. *be going to do*.

Особняком стоит граммема авертива, которая выражается при помощи специализированной конструкции «конверб на *-A* + вспомогательный глагол *žazda-* (в казахском) / *jazda-* или *jaz-* (в киргизском)». Данный глагол в этих двух языках не употребляется самостоятельно, в других тюркских языках он имеет значение ‘бить мимо (цели)’.

В основном в том же ключе, что и предыдущая статья, написана работа Аминем Мемтимин «**Проксиматив в современных уйгурском и узбекском языках**». Эти языки близкородственны — оба относятся к юго-восточной группе тюркской семьи и, по-видимому, являются потомками центральноазиатского чагатайского языка. И уйгурский, и узбекский располагают довольно значительным инвентарем проксимативных форм, которые автор описывает, применяя к ним разнообразные тесты на семантические, лексические и грамматические ограничения.

В противоположность узбекскому, уйгурский язык обладает в высокой степени грамматизированными проксимативными формами, построенными по модели «целевой конверб на *-Gili* + вспомогательные глаголы *qil-* ‘делать’, *tur-* ‘стоять’, *qop-* ‘вставать’». Тот же целевой конверб и глагол *yat-* ‘лежать’, по-видимому, образовали синтетическую проксимативную форму на *-Giliwati-*, не употребляющуюся со стативными глаголами.

Имеется также целый ряд форм, реализующих проксимативное прочтение только в определенных контекстах. Так, синтетические формы прогрессива (уйг. *-(I)wat-*, узб. *-(a)yap-*) имеют проксимативное прочтение только для глаголов направленного движения. Интенциональное причастие (уйг. *-mAKči*, узб. *-moqchi*) выражает проксиматив в обоих языках с одушевленными субъектами, но только в узбекском также и с неодушевленными.

Наконец, оба языка располагают граммемой авертива, которая, однако, выражается в них по-разному: в узбекском это общетюркская форма на *-y/a yoz-*¹², не засвидетельствованная в уйгурском. Уйгурский же выражает авертив при помощи словосочетания *tas qal-* ‘почти произойти’, содержащего наречие *tas* ‘почти’, отсутствующее в литературном узбекском.

Завершает сборник статья Ханса Нугтерена «**Восточноюгурский проксиматив на *-IA:* в контексте**», в центре внимания которой находится высокофокусная конструкция «*-IA:* + связка», служащая исключительно для выражения проксиматива в этом малочисленном монгольском языке Северного Китая. Автор обсуждает и ряд других восточноюгурских форм, связанных с выражением футуральной семантики: будущее время «*-Gə* + связка», волюнтив на *-ya* (для 1-го лица ед. ч.) и конструкцию «волюнтив на *-ya* + *gə-* ‘сказать’». Все эти три формы имеют достаточно твердо установленную монгольскую этимологию и встречаются также в других монгольских языках. В отличие от них, проксиматив на *-IA:* не засвидетельствован в широнгольской группе языков; он восходит к прамонгольскому окончанию прошедшего времени **-IAA < *-IUA*. Согласно Дж. Стриту [Street 2009: 131], в среднемонгольском языке это время маркировало ситуации недавнего прошлого, о которых говорящий знает «из первых рук»; таким образом, оно отличалось от двух других прошедших времен большей степенью уверенности говорящего в сообщаемом факте. В других монгольских языках форма на *-IA:* демонстрирует широкий диапазон временной референции и только в восточноюгурском этот суффикс эволюционировал в специализированный показатель проксиматива. Надо полагать, эта эволюция имела в качестве промежуточного этапа такой период, когда рассматриваемая форма была темпорально неоднозначной, как в современном халха-монгольском языке.

¹² Лексическое значение глагола *yoз-* в узбекском — ‘заблуждаться, быть грешником’.

Обращает на себя внимание следующее обстоятельство: как явствует из многих статей сборника, семантическая сфера проспектива внутренне неоднородна. Именно эта неоднородность, по нашему мнению, побудила Л. Юхансона терминологически разграничить собственно проспектив и проксиматив, а целый ряд авторов сборника — принять такое разграничение при анализе своего материала. Однако и помимо дихотомии «проспектив / проксиматив» внутри проспективной области достаточно других семантических и прагматических нюансов, заставляющих предполагать ее внутреннюю неоднородность. В свое время «первооткрыватель» проспектива Б. Комри выдвинул хорошо известный в кругах типологов тезис о симметричности перфекта и проспектива: «Перфект ретроспективен постольку, поскольку он устанавливает отношение между состоянием в некоторый момент времени и ситуацией в более раннее время. Если бы языки были совершенно симметричны, то можно было бы с равным успехом ожидать обнаружения проспективных форм, в которых состояние соотносится с некоторой последующей ситуацией, например, в которых некто вот-вот сделает нечто» [Comrie 1976: 64]. Мы, однако же, наблюдаем в языках мира несколько более сложную ситуацию: перфектное значение чаще всего выражается в конкретном языке какой-либо одной конструкцией (чаще всего аналитической), в то время как за выражение проспективной семантики в одном идиоме могут отвечать сразу несколько глагольных форм как аналитического, так и синтетического характера. Кроме того, проспектив может выражаться и лексически — например, при помощи особых наречий со значением ‘почти’.

С нашей точки зрения, будущим исследователям стоит обратить повышенное внимание на эту структурную «асимметрию» перфекта и проспектива, так как за структурными несоответствиями вполне могут крыться несоответствия семантико-прагматического плана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Russian National Corpus]. <https://ruscorpora.ru/>.
- Authier 2012 — Authier G. *Grammaire juhuri, ou judéo-tat, langue iranienne des Juifs du Caucase de l'est*. Wiesbaden: Reichert, 2012.
- Bybee et al. 1994 — Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. *The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1994.
- Comrie 1976 — Comrie B. *Aspect*. New York: Cambridge Univ. Press, 1976.
- Dahl 1985 — Dahl Ö. *Tense and aspect systems*. London: Basil Blackwell, 1985.
- Haspelmath 2010 — Haspelmath M. Comparative concepts and descriptive categories in cross-linguistic studies. *Language*, 2010, 3(86): 663–687.
- Heine 1992 — Heine B. Grammaticalization chains. *Studies in Language*, 1992, 2(16): 335–368.
- Heine 1994 — Heine B. On the genesis of aspect in African languages: The proximative. *Proc. of the 20th Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society: Special session on historical issues in African linguistics*. Berkeley (CA): Berkeley Linguistic Society, 1994, 35–46.
- Heine, Kuteva 2002 — Heine B., Kuteva T. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
- Johanson 1971 — Johanson L. *Aspekt im Türkischen*. Lund: Berlingska Boktryckeriet, 1971.
- Kuteva 1998 — Kuteva T. On identifying an evasive gram: Action narrowly averted. *Studies in Language*, 1998, 22: 113–160.
- Lazard 1975 — Lazard G. La catégorie de l'éventuel. *Mélanges linguistiques offerts à Émile Benveniste*. Moïnfar M. Dj. et al. (eds.). Louvain: Peeters, 1975, 347–358.
- Lazard 1984 — Lazard G. Les modes de la virtualité en moyen-iranien occidental. *Middle Iranian studies. Proc. of the international symposium organized by the Katholieke Universiteit Leuven* (1982). (Orientalia Lovaniensia Analecta, 16.) Skalmowski W., van Tongerloo A. (eds.). Louvain: Peeters, 1984: 1–13.
- Nevskaya, Tazhibaeva 2015 — Nevskaya I., Tazhibaeva S. The category of prospective in Modern Kazakh. *Ankara papers in Turkish and Turkic linguistics*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2015, 658–666.
- Street 2009 — Street J. C. On the three past-tense endings of early Middle Mongolian. *Ural-Altaische Jahrbücher, Neue Folge*, 2009, 23: 126–159.